

к примеру, тринитарный монотеизм христианства и «простой» монотеизм ислама и иудаизма.

В условиях кризиса культуры в России XXI в. человек зачастую подделывается под ту или иную культуру (например, налицо массовые подделки под христианскую), а значит, меняет или утрачивает нечто мировоззренчески значимое в своем сознании, наполняя его пустыми фантазиями, симулякрами и теряя какие-либо ориентиры, тогда как в мифологическом и религиозном мировоззрении фантазия предметна, оправданна, т. к. служит способом ориентации в мире.

I. M. GORBUNOVA, O. N. YURECHKO. TO THE QUESTION ABOUT THE ROLE OF THE FANTASTIC VIEWS IN THE FORMATION OF MYTHOLOGY AND RELIGION

Article reveals the importance of fantasy in mythological and religious-dimensional worldview and their relationship with the culture of modern Russia. Fantasy is understood by the authors as a universal anthropological cultural phenomenon, the essential measurement to determine people's self-expression and freedom, creative implementation.

Key words: *fantasy, imagination, mythological worldview, philosophy of religion, culture.*

Литература

1. Касавин И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. М., 2008. С. 290–291.
2. Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб., 2002. С. 14–15.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 412.
4. Шохин В. К. Философия религии и ее исторические формы. М., 2010. С. 220, 225.
5. Там же.

И. П. СКВОРЦОВ, Г. П. ОТЮЦКИЙ

ДУХОВНОСТЬ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье рассматривается феномен духовности в аспекте укрепления национальной безопасности России, современное понимание ее сущности и содержания и возможных путей развития.

Ключевые слова: *духовность, национальная безопасность, духовная безопасность, национальная идея.*

Важное место в системе национальной безопасности современной России занимает духовная безопасность. Она не только выступает самостоятельным компонентом системы безопасности в целом, но и пронизывает духовные компоненты других направлений национальной безопасности: политической, экономической, социальной, военной и др. Применительно к содержанию духовной безопасности следует подчеркнуть: если духовная безопасность существует, то речь может идти либо о состоянии духовности в условиях отсутствия опасности, либо об эффективном противодействии существующим угрозам, итогом которого (противодействия) и выступает отсутствие опасности.

В целом такое положение дел соответствует и иным сферам безопасности, к примеру, безопасности социальной: социальная безопасность наличествует либо тогда, когда отсутствуют соответствующие угрозы, либо тогда, когда этим угрозам эффективно противодействуют. Однако в условиях современной России кризис духовной безопасности во времени и в пространстве совпадает с кризисом самой духовности. Поэтому процесс обеспечения духовной безопасности неизбежно совпадает с процессом возрождения и развития российской духовности.

По поводу термина «духовность» не существует единой точки зрения. Иногда трактуют его

односторонне: либо как интеллектуальность, уровень образования, объем знаний человека, либо как погруженность человека в свой собственный мир, отрешенность его от активной деятельности, либо, наконец, как профессиональную деятельность, связанную с творчеством [1].

Понятие духовности тесно связано с терминами «дух», «сознание». Сознание характеризует способность обладающего им человека духовно осваивать окружающий мир, противостоять окружающей среде, приспосабливать эту среду к своим потребностям, «выходить» за рамки сиюминутной, повседневной ситуации, прогнозировать предстоящие социальные ситуации.

Что же касается понятия духа, то, к примеру, Георг Вильгельм Фридрих Гегель связывает его с выходом за рамки жизни отдельного индивида, ограниченной пространственными и временными пределами: субъективный дух, или индивидуальная душа, в ходе своего развития осознает себя как разумный дух, обладающий свободной волей. Разумная воля – субъективно свободная, но ограниченная другими духовными и телесными личностями, – переходит к свободной деятельности, создающей право, мораль, нравственность и государство [2].

В. И. Даль определяет содержание слова «духовный» как «все, относящееся к Богу, Церкви, вере, но и все, относящееся к душе человека, его умственным и нравственным силам» [3].

Таким образом, духовность представляет собой способность индивида в своей деятельности выходить за рамки собственной жизни, собственного индивидуального существования. По сути дела, духовность – онтологическое свойство социального человека, это его позитивное идеальное начало, вырастающее из понимания свободы как личной ответственности человека за его деяния. Критерием духовности является способность человека в сложной жизненной ситуации сделать выбор в пользу творения, а не разрушения, осмысливать не только и не столько собственное бытие индивида, сколько его место в системе социума.

В онтологическом аспекте духовное бытие существует как индивидуализированное духовное (духовный мир конкретного человека), присущее отдельно взятому человеку, и как объективированное духовное (общественное сознание). Духовность выступает как явление историческое. Одно дело духовность традиционного, доиндустриального общества, другое – духовность постиндустриального (информационного) общества.

В России интеллигенция, как носительница духовности доиндустриального общества XIX столетия, сформировалась сугубо на идеологической почве: для обличения существующего порядка вещей, для защиты жертв насилия со стороны имущих и власть имущих, для распространения идей борьбы с самодержавием. В такой духовности немало привлекательных черт: стремление служить народу, бескорыстие, неприязнь к стяжательству, равнодушие к богатству, приоритет духовных начал.

Однако на базе такой духовности, изначально нацеленной на борьбу с властью и государством, не признающей компромиссных решений, нельзя построить ни правовое, ни социальное государство.

Действительно, человек, исповедующий принципы демократии, не может отчуждать себя ни от власти, ни от государства как таковых. В современных условиях позицию неприязни к власти и государству могут занимать лишь маргинальные и даже антисоциальные элементы, но такая позиция не позволительна для гражданина своей страны: можно требовать улучшения деятельности власти и государства, но нельзя отрицать необходимость власти и государства.

Духовность – сложное явление, имеющее идеально-материальную выраженность. Идеальная природа духовности несомненна, поскольку она характеризует прежде всего состояние духа как отдельной личности, так и социальной группы, народа или нации в целом. К тому же, когда речь идет об отдельной личности, несомненна субъективная природа духовности, поскольку она отражает конкретное состояние сознания субъекта. Однако, как только мы выходим на уровень духовности социальной группы (даже самой малой – трудового коллектива, студенческой группы), духовность

обретает солидарный (ныне все чаще говорят – синергетический) характер. Это связано, с одной стороны, с необходимостью для каждого индивида обладать информацией о духовности других индивидов; с другой стороны требует учета тот факт, что каждый индивид существует в обществе, в коллективе, а стало быть находится в ситуации уже наличествующей духовности этого общества, этого коллектива. Поэтому для конкретного индивида такая духовность социума носит в известной мере объективный характер (по крайней мере до тех пор, пока ее формирование и развитие происходит без участия и влияния этого индивида).

Обмен информацией между индивидами, между индивидами и обществом возможен лишь при помощи текстов, как любой значимой совокупности знаков. Поскольку знак имеет материальную природу, то очевиден материальный аспект духовности: она формируется и поддерживается совокупностью специфических информационно-обменных процессов. Стало быть, опасность для духовности может проистекать не только со стороны ее идеального содержания (например, подмена конкретных духовных ценностей), но и со стороны материальных носителей информации об этих ценностях (например, создание помех техническим средствам телерадиовещания либо каналам связи Всемирной паутины).

Существенным компонентом духовности (таким компонентом, который в наибольшей степени подвержен внешним угрозам), является национальная идентичность, тесно связанная с понятием национальной идеи. Именно понятие национальной (и государственной) идентичности выступает наиболее ярким проявлением духовного осмысления индивидом его места в обществе, причем места, соотношенного с социальным (в частности, этносоциальным) статусом соотечественников.

В самом общем виде национальная идея – представление страны о своем месте в истории. Для любой страны жизненно важно, во-первых, продолжать себя в истории. Во-вторых, что удастся уже гораздо меньшему числу государств, не просто наличествовать, но быть самими собой, обладать исторической субъектностью, самодостаточностью. В-третьих, что характерно для совсем немногих народов, иметь, осознавать и быть способными поддерживать цивилизационно-культурную специфику. Только у таких стран может быть национальная идея, как идея нации, обладающей пониманием смысла своего существования, ресурсами и политической волей для его реализации.

Наличие и содержание национальной идеи неразрывно связано с содержанием цивилизационного выбора, который через опосредствующие механизмы в той или иной форме определяет специфику социальной культуры, содержание и приоритеты политики государства.

Суть национальной идеи современной России, как нам представляется, можно представить как сохранение своей исторической субъектности, цивилизационно-культурной определенности.

В свою очередь, это подразумевает формирование собственной модели социального развития. Кроме того, необходим также широкий комплекс мер в различных сферах общественной жизни, связанных с восстановлением нравственного вектора в развитии культуры; развернутыми социальными программами выхода из демографического тупика, явственных перспектив деградации человеческого потенциала; обеспечением внутриэлитного консенсуса относительно пути развития России и распространением в информационном, культурном, образовательном пространствах концепта ее цивилизационно-культурной состоятельности, что может создать основы органичной социальной сплоченности общества; провозглашением и реализацией мобилизующих общество на деле задач созидания, решение которых способно заложить фундамент общественного согласия и ускоренного развития.

Место национальной идентичности в системе духовности не является постоянным и стабильным. Она выступает на первый план прежде всего в эпоху социальных потрясений, крупных общественных перемен. Именно на таком этапе и находится современная Россия. Долгое пребывание России на этом этапе (этапе социальных перемен) вызывает у части исследователей сугубо пессимистические настроения применительно к состоянию духовной безопасности России, приводит их к выводу о том, что в сфере духовности Россия оказалась полностью незащищенной от существующих и предстоящих угроз [4].

Т. И. Заславская около 10 лет назад в обстоятельном исследовании сделала вывод о заметном снижении социально-культурного потенциала россиян по сравнению с советским временем, выделяя в связи с этим три тенденции: «сознательное и активное» разрушение государством институциональной, материально-финансовой и кадровой базы развития науки, образования и культуры; все более глубокую сегрегацию разных слоев населения по социально-культурным критериям (характеру ценностей, интересов, образу и стилю жизни); безусловное и очень резкое снижение общей морали им нравственности [5].

Вместе с тем, вряд ли соответствует действительности вывод о том, что проблемы духовной безопасности современной России могут быть осмыслены исключительно в негативном ключе. Действительно, в системе современной российской духовности немало утрачено в сравнении с советским периодом ее истории, накоплено немало негативных моментов. Однако нельзя не признать и того, что за последние полтора – два десятилетия формируются и постепенно утверждаются новые гуманистические ценности, адекватные системе духовности постиндустриального, информационного общества.

Если рассматривать идентификацию как осознание личностью своей тождественности с социальной группой, нацией, народом, то процесс национальной идентификации можно характеризовать в качестве такого инструмента социализации личности, посредством которого усваиваются ценности культуры определенного общества. Поскольку духовность – это совокупность специфических духовных ценностей, то и национальная идентичность есть неотъемлемая составная часть духовности народа, нации.

Кризис идентичности в России и заключается в кризисе приобретения или усвоения ценностей, которые бы трактовались как ценности российского общества, российской культуры, российской духовности. Именно на это обращает внимание В. В. Путин, подчеркивая, что наша «цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [6].

Подведем некоторые итоги относительно современного понимания духовности.

В содержательном смысле она представляет собой систему понятий, представлений, запретов, предпочтений и т. д. применительно к системе отношений «человек – общество», «гражданин – государство».

В функциональном смысле она формирует определенную линию поведения личности, социальной группы, народа, нации под углом выбора гуманных начал в качестве оснований социальной деятельности; под углом зрения отторжения зла в общественных отношениях.

В мировоззренческом смысле она выступает как определенное мироощущение: представление народа о себе, о своей истории, о принципах взаимосвязей своей страны с иными странами и народами мира, с иными культурами и т. д.

Системообразующую роль в содержательной структуре духовности играет национальная идея.

Литература

1. Шульгин Б. П. Исторический путь России в аспекте цивилизационного и формационного подходов // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2. С. 3–19.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2002. С. 112.
4. Возьмитель А. А. Духовная безопасность: актуальные теоретико-методологические и практические вопросы // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 229–251.

5. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 20.

6. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // URL: <http://putin2012.ru/#index>

I. P. SKVORTSOV, G. P. OTIUCKIY. SPIRITUALITY IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Article discusses the phenomenon of spirituality in the aspect of strengthening the national security of Russia, the contemporary understanding of its nature and content, and possible ways of development.

Key words: *spirituality, national security, spiritual security, national idea.*

Н. Е. ДРОБЯЗКО

К ВОПРОСУ О «ВПИСАННОСТИ» В КУЛЬТУРУ НАУЧНЫХ ИДЕЙ И ОТКРЫТИЙ В ИСТОРИИ

Автор рассматривает вопросы «вписанности» в культуру идеи и открытий в истории науки, дает им оценку, подчеркивает актуальность для современной науки.

Ключевые слова: *«вписанность» научных идей, реализация идей, открытий.*

Изучая вопросы «вписанности» в культуру научных идей и открытий, ученые сегодня все чаще приходят к выводу о том, что данный фактор мог быть как раз тем основным, который и послужил бы возможностью реализации или не реализации их в науке. Обсуждая вопрос, как в разные эпохи и периоды истории относились к новым идеям, как теоретическим исследованиям, так и к практическим открытиям, можно привести массу примеров, когда в науке стоял вопрос не только «невписанности» таковых в культуру, но и проблемы угрозы чести, свободы и даже жизни ученого.

Как правило, в фундаментальных областях исследования, пишет В. С. Степин, развитая наука имеет дело с объектами, еще не освоенными ни в производстве, ни в обыденном опыте (иногда практическое освоение таких объектов осуществляется даже не в ту историческую эпоху, в которую они были открыты). Для обыденного здравого смысла эти объекты могут быть непривычными и непонятными. Знания о них и методы получения таких знаний могут существенно не совпадать с нормативами и представлениями о мире обыденного познания соответствующей исторической эпохи, поэтому нуждаются в своеобразной стыковке с господствующим мировоззрением той или иной исторической эпохи, с категориями ее культуры [1].

Так, в свое время не вписалась в научную картину мира схема строения солнечной системы Н. Коперника, взгляды и идеи Г. Галилея, идеология Дж. Бруно. Позже это было названо «коперниканской» революцией или первой научной революцией в истории человечества.

Другой пример – открытие великим А. Эйнштейном теории относительности, которая перевернула взгляды на всю механистическую картину мира в физике, стала общепризнанной

теоретически, но и сегодня мы не можем применять ее законы на практике, живя в мире пока еще других скоростей. Когда известного физика М. Фарадея спросили, в чем он видит применение своей теории электромагнитных волн, он в замешательстве сказал: «Возможно, с помощью этого можно делать забавные детские игрушки» [2].

Х. Соколин в одной из своих статей писал, что в феврале 1929 года на заседании Британского медицинского общества А. Флеминг впервые сообщил о феноменальном воздействии открытого им пенициллина на стафилококковые бактерии. Его коллеги отреагировали на это ледяным молчанием. Докладчику не было задано ни одного вопроса, что свидетельствовало как об отсутствии интереса к работе, так и о непонимании ее важности. И только во время Первой мировой войны пенициллин стал незаменимым. Спустя 23 года, когда лауреат Нобелевской премии сэр Александр Флеминг находился на вершине славы, он все еще с содроганием вспоминал то заседание, которое задержало его исследования на 11 лет [3].

Ч. Карлсон, изобретатель ксерокса, предложил фирме «Кодак» совместную разработку копировальной машины, которая в 1959 году завоевала весь мир. П. Меллори, глава исследовательского отдела фирмы «Кодак», ответил: «Мы полагаем, что копировальный процесс, основанный на электрофотографии (первоначальное название – Х. С.) не имеет технологической и коммерческой перспективы, и не намерены вкладывать средства в его разработку».

Еще один пример. Телефон, изобретенный преподавателем риторики А. Беллом в 1876 году, имеет слишком много недостатков и никогда не станет практическим средством коммуникации, писали газеты. «Публика сможет убедиться в этом, как только утихнет сенсационная шумиха